цев выбирает острую ситуацию. Он изображает Гэйэ, пришедшим к самому богу. Здесь аббат, с одной стороны, хвалит себя — защитника законов божиих; с другой — осуждает «глупый свет», который предпочел святому Евангелию злого Рабле. По его мнению, все сошли с ума от философии, системы «Энциклопедии». Вероотступник Вольтер развращает вселенную, нападает на папу. Гэйэ упрашивает бога пристыдить Вольтера — «это мерзкое существо», дать ему отведать адских мучений, сделать так, чтобы отвратительное имя его погибло навек.

К удивлению Гэйэ, бог (совершенно в духе энциклопедистов) оказывается весьма терпимым и благодушно настроенным. Он утверждает, что никогда не грозил казнями, отказывается от каких бы то ни было обрядов (постов, обеден), заявляет, что у него нет Бастилии и он не воспрещает свободно насмехаться над ним.

Кроме того, в уста бога Румянцев вкладывает призыв любить всех людей без различия, быть радостными и рождать детей. Ответ подобного рода приводит в гнев Гэйэ. Напоминая о том, что высшее существо некогда умело быть гневным, Гэйэ полагал, что даже бога испортила философия. Она сделала из него еретика. Аббат принимает решение обратиться в инквизицию, которая объяснит ему подобные поступки бога.[23]

Теперь понятно, почему образ юного русского поэта — смелого мыслителя — запомнился Вольтеру, защитнику человеческого разума. Можно поверить С. П. Румянцеву, что Вольтер напутствовал его словами: «Вы, сударь, далеко пойдете».[24] 10 февраля 1775 г. Гримм сообщал Румянцеву, что о нем упоминает Вольтер в своем новом произведении, которое Гримм неточно называет «Путешествие Разума» («Voyage de la Raison»).[25]

Изображая путешествия Разума по Европе, Вольтер бросает взор и на Россию, правительница которой только что вынудила султана заключить мир. Почтительно льстя Екатерине, которую он одновременно непочтительно называл в частных письмах Cateau, Вольтер изображает ее богато одаренной натурой.

Императрица обширнейшей страны то занята государственными делами, то беседами с философом (подразумевается Дидро, посе-

---

[23] Кроме указанного наиболее значительного произведения, в третьем томе имеется еще ряд стихотворений Румянцева на французском языке, а именно: «Les quatre âges» (лл. 148 об. и 149, издано мной: «Revue des études slaves», t. 36, Paris, 1959, стр. 12), басня (л. 149) и много стихотворений «на случай».

[24] С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 844. Неправильную оценку этим словам Вольтера дал В. А. Бильбасов, считавший их совершенно необоснованными и думавший к тому же, что Румянцев писал свою биографию в глубокой старости (В. А. Бильбасов. Екатерина II и граф Н. П. Румянцев. — «Русская старина», 1894, февраль, стр. 71, прим. 1). В действительности, как указывают сохранившиеся рукописные материалы, Румянцев начал работать над своей биографией с пятидесятилетнего возраста.

[25] Ф. М. Гримм — С. П. Румянцеву. 10 февраля 1775 г. — ГБЛ, Отдел рукописей, Р.а.7.40. Точное название этого сочинения Вольтера см. в прим. 27.